

Глава 13

Нин Ли вдруг вспомнил ещё об одном деле:

— Его старший брат... он ведь не станет искать со мной ссор? Я слышал, это человек весьма грозный.

— Ши Яньчао? — спокойно отозвался Пэй Чжао. — Не станет.

Нин Ли удивлённо моргнул. Хоть голос Пэй Чжао и звучал ровно, в нём чувствовалась абсолютная уверенность.

— Синчжи, почему ты так в этом убеждён?

— Потому что старший сын семьи Ши — человек умный.

Как странно.

Ши Яньчао и Ши Яньму были родными братьями, однако в глазах Пэй Чжао один был круглым дураком, а второй — полной его противоположностью.

— Я слышал, он служит при дворе, в Страже Прислуживания Небесам, — недоумевал Нин Ли.

— Но разве от каждой семьи не должны присылать в столицу лишь по одному сыну? А у Ши их целых двое!

Пэй Чжао лишь тихо вздохнул, не зная, смеяться ему или сочувствовать.

Опустив взгляд, он посмотрел на сидящего перед ним юношу. Нин Ли качал головой, и в его чистых глазах читалось не столько восхищение чужой смелостью, сколько искреннее, глубокое нежелание иметь со всем этим хоть что-то общее.

Должно быть, в представлении Нин Ли поездка в столицу была чистым наказанием, и любой здравомыслящий человек постарался бы держаться от неё как можно дальше. Семья Ши, решившая отправить в это змеиное логово сразу двоих сыновей, казалась ему невероятно отчаянной.

Но откуда этому чистому юноше, бегущему от интриг, знать, как много людей в этом мире бьются не на жизнь, а на смерть ради единого шанса закрепиться при дворе?

— Людская суета — лишь погоня за выгодой, — Пэй Чжао слегка придвинул к себе чайную пиалу. — Семья Ши когда-то породнилась с Верховным императором, их род дал стране императрицу. Они привыкли искать покровительства и строить козни, так что их стремление протолкнуть сыновей в столицу вполне объяснимо.

Вот только стоило им прибыть, как одного тут же велели выслать обратно.

Пэй Чжао скользнул взглядом по наивному лицу Нин Ли:

— Если они пришлют кого-то с извинениями, просто прими их дары.

— Хорошо...

За окном тихо угасал день. Ветки деревьев и резные перила застыли в неподвижности, лишь под навесом крыши безмолвными тенями замерли слуги.

Нин Ли подошёл к дверям и незаметно поманил одного из них рукой.

Чжан Хэлинь тут же поспешил к нему. Он уже собирался заговорить, но юноша прижал палец к губам и тихонько шикнул.

Поняв намёк, евнух Чжан мгновенно перешел на шепот:

— Молодой господин Нин? Желаете что-то приказать вашему слуге?

Нин Ли качнул головой, а затем кивнул, маня его подойти ближе:

— Господин Чжан, скажите, чем на самом деле болен Синчжи?

Чжан Хэлинь испуганно замахал руками:

— Ох, не стоит так меня называть, молодой господин! Зовите меня просто управляющим.

Но Нин Ли лишь молча смотрел на него — мягко, но с непреклонным упрямством.

— Если вы так переживаете, молодой господин Нин, то почему бы вам не спросить у самого владыки? — вздохнул Чжан Хэлинь.

Нин Ли досадно нахмурился:

— Я спрашивал. Но Синчжи ни в какую не хочет говорить...

Он даже кашлять пытается так, чтобы это осталось незамеченным. Вот только болезнь — вещь, которую не утаишь, и бледность, то и дело проступающая на лице Пэй Чжао, выдавала его недуг с головой.

На лице Чжан Хэлиня отразилось явное замешательство. Он посмотрел на юношу, явно колеблясь, но так и не решился заговорить.

Нин Ли всё понял без слов и со вздохом вздохнул:

— Понимаю... Значит, и тебе запрещено говорить об этом?

— Молодой господин Нин, смилуйтесь, — виновато улыбнулся Чжан Хэлинь. — Всё, что касается здоровья Владыки — великая тайна. Без его дозволения я и слова пикнуть не смею.

Нин Ли согласно кивнул.

«Что ж, расспросами тут ничего не добиться. Раз через Чжан Хэлиня дело не выгорело, придётся искать другой путь».

Когда они покинули сад и вернулись в свои покои, шедший следом Сяо Цзи не удержался от любопытства. С чего вдруг молодой господин так твёрдо уверен, что Пэй Чжао болен?

— Молодой господин, господин Пэй снова занемог? — спросил Сяо Цзи.

Нин Ли покачал головой:

— Я не могу сказать наверняка, но выглядит он скверно... Жаль, что я не учился врачеванию.

Будь его воля, он бы немедленно созвал лучших лекарей, но сам Пэй Чжао, похоже, ничуть не заботился о себе.

«Он просто не хочет, чтобы я это заметил», — мысленно вздохнул Нин Ли.

Но если так, то зачем в такую стужу, преодолевая дорожную усталость, Пэй Чжао раз за разом мчался в Загородную усадьбу Таншань?

Юношу одолевали смутные сомнения.

Если его друг свободен, то почему уезжает после первой же ночёвки? А если по уши в делах, то как находит время на бесконечные поездки в эту горную глушь?

Для настоящего отдыха следовало бы осесть на одном месте — как сделал сам Нин Ли, который почти не бывал в своём городском поместье в Цзянье. Пэй Чжао же без конца метался туда-обратно, изнуряя и без того слабое тело.

Стоило ему переступить порог своего двора, как навстречу поспешил старый слуга Яо Гуанье:

— Молодой господин, наконец-то вы вернулись! Только что от семьи Ши приходили люди. Принесли дары в знак примирения!

На столе лежал изящный лаковый ларец, украшенный сложной резьбой. Нин Ли скользнул по нему взглядом, но мысли его были заняты совсем другим.

«А ведь Синчжи оказался прав. Люди Ши действительно пришли просить прощения».

— Кажется, вместе с ними привезли что-то ещё?

— Верно, — расплылся в улыбке Яо Гуанье. — Как раз доставили свежие сладкие апельсины из Куйчжоу. Желаете отведать?

Нин Ли не ожидал, что их привезут так быстро, и на его лице тут же расцвела улыбка:

— Какая удача! Отбери самые лучшие и отправь Синчжи.

Пэй Чжао заметил, что вошедший Чжан Хэлинь мнётся у порога, явно не решаясь заговорить.

Не любящий подобных недомолвок, он сухо спросил:

— В чём дело?

— Да вот... — Чжан Хэлинь виновато опустил глаза. — Когда молодой господин Нин уходил, он потихоньку расспрашивал меня о вашем здоровье. Очень уж сокрушался.

«О моём здоровье...»

В груди Пэй Чжао внезапно отозвалось резкой болью, и он, не сдержавшись, глухо и надрывно закашлялся.

Тишина комнаты была нарушена. Чжан Хэлинь торопливо поднёс пиалу с тёплым чаем, надеясь хоть немного облегчить приступ хозяина.

Пэй Чжао с детства страдал от этого изнурительного недуга. Совсем недавно, благодаря горячим источникам Таншаня, ему стало легче, но неотложные государственные дела заставили его спешно вернуться во дворец. В этих постоянных разъездах он снова застудил

грудь.

Забот накопилось слишком много, откладывать дальше было нельзя. Настоящему правителю пора было вернуться к делам и показать всем, что он ещё жив.

Чжан Хэлинь принёс дымящуюся пиалу с тёмным отваром. Нахмурившись, Пэй Чжао принял её и осушил одним махом.

По природе своей он отличался завидной стойкостью и никогда не шёл на поводу у мимолётных капризов. Вот только лекарства эти, принимаемые день за днём, казались бесполезным трудом — всё равно что писать вилами по воде. Силы уходили, а болезнь не отступала.

— Ваше Величество, может, всё же стоит призвать придворного лекаря? — негромко спросил Чжан Хэлинь.

— К чему эти хлопоты, — отмахнулся Пэй Чжао.

— Но вы кашляете без устали, мы места себе не находим от тревоги... К тому же, — Чжан Хэлинь робко покосился на хозяина и набрался смелости добавить: — Если молодой господин Нин узнает, как вы мучаетесь, его сердце точно разорвётся от жалости.

Пэй Чжао мгновенно вскинул голову. Его взгляд сделался холодным и глубоким, точно горное озеро.

От этого немного, царственного величия Чжан Хэлинь похолодел и поспешно склонил голову. Он понимал, что зашёл слишком далеко, позволив себе непозволительную дерзость.

Лишь спустя долгое время тишину нарушил тихий, размеренный голос:

— Гляжу, ты уже всюю радеешь за него.

— Ваш верный слуга лишь видит, что с приходом молодого господина Нина вы кажетесь счастливее... — пролепетал евнух. — А раз он приносит вам радость, то и мы не можем не любить его. Пусть ваши дни полны забот, но если рядом с ним вам становится хоть немного легче, то это благословение небес.

Пэй Чжао тихо вздохнул. Прогонять верного слугу за столь искреннее рвение не поднималась рука.

Видя, что Чжан Хэлинь вновь собирается завести унылую песню о лекарях, он негромко прервал его:

— Хэлинь, к чему эти пустые речи? Будто ты сам не знаешь, поддаётся ли мой недуг лечению.

Чжан Хэлинь был преданным слугой, которого оставила Пэй Чжао его покойная матушка. Некогда он прислуживал прежней императрице, а после оберегал её сына, созревшего на его глазах. Услышав эти слова, старый евнух почувствовал, как к горлу подступил горький ком, а на глаза навернулись слёзы.

Конечно, он всё знал. Всё прекрасно понимал.

— Ваша болезнь... — Чжан Хэлинь шмыгнул носом, сдерживая рыдания. — Как мог Верховный император поступить столь жестоко?

В глубине глаз Пэй Чжао промелькнула тень горькой усмешки, но лицо его тут же вернуло прежнее бесстрастное выражение.

Между ним и отцом давно не осталось ничего, о чём стоило бы говорить.

Да и этот застарелый яд в его теле... лечить было уже поздно.

У дверей послышались шаги — слуга принёс плетёную корзину. Оказалось, соседи прислали сочные сладкие апельсины из Куйчжоу, чтобы порадовать хозяина свежим вкусом.

Чжан Хэлинь тут же подхватил корзину и очистил один плод.

Под ярко-оранжевой кожурой скрывались сочные, спелые дольки. Их сладкий, бодрящий вкус невольно вызывал в памяти образ ясного, улыбающегося юноши.

— Молодой господин Нин также прислал ларец с золотым песком и жемчугом, — доложил стоявший подле евнух.

Ладно бы просто фрукты, но к чему этот избыток золота и драгоценностей? Пэй Чжао никак не мог взять в толк, что за причуда пришла в голову его милому соседу.

Но раз подарки уже были доставлены и ларец лежал перед ним, отправлять их обратно казалось излишней грубостью.

Стоило открыть крышку, как взору предстали крупные, величиной с палец, жемчужины, сияющие мягким, ровным перламутровым блеском.

«Это жемчуг из Восточного моря...»

Пэй Чжао на мгновение задумался, а затем спросил:

— Семья Ши уже принесла ему свои извинения?

— Да, именно так, — подтвердил Чжан Хэлинь.

Но почему наследный принц Нин решил перенаправить дары Ши в усадьбу своего соседа?

— Потому что... — Нин Ли, держа в ладонях апельсин, снизу вверх посмотрел на Пэй Чжао, — извинения от семьи Ши — это наверняка твоя заслуга! Сами бы они в жизни до такого не додумались.

Пэй Чжао на миг лишился дара речи, глядя в эти сияющие доверием глаза.

— Я слышал, что Его Величество строго взыскал со старого маркиза Ши, — продолжал юноша. — Синчжи, ведь это ты замолвил за меня словечко перед императором? Иначе с чего бы им пресмыкаться передо мной? Ши Яньму ведь терпеть меня не может.

— То, что он глуп и не видит очевидного — лишь его беда, — отрезал Пэй Чжао.

— И то верно! — закивал Нин Ли, бережно снимая кожуру с плода. — Только, Синчжи, прошу тебя, не нужно больше так рисковать ради меня. Вдруг император разгневается и сорвёт злость на тебе?

Пэй Чжао смотрел на него так пристально и глубоко, что Нин Ли невольно смутился. В этом взгляде мешалось столько чувств, что распутать их не представлялось возможным.

Пальцы юноши замерли, перестав чистить апельсин.

— Император не станет гневаться, — мягко качнул головой Пэй Чжао.

— И всё же бережёного бог бережёт, — тихо пробормотал Нин Ли. — Я ведь прекрасно знаю, какая у меня дурная слава. Не хочу, чтобы из-за меня пострадал и ты.

«Дурная слава?..»

В сердце Пэй Чжао поднялась целая буря противоречивых чувств. Ему хотелось спросить, неужели Нин Ли действительно не ранят сплетни столичной толпы? Неужели на душе у него совсем нет обиды? Но, видя перед собой чистый, лишенный и следа уныния взгляд, Пэй Чжао лишь хрипло выдохнул:

— Хорошо.

Он и без того уже принял твёрдое решение, а эти слова юноши лишь укрепили его в своём намерении.

— Сегодня я пригласил к нам одного человека.

— Хм? — удивился Нин Ли.

Пэй Чжао опустил взгляд на любопытное лицо собеседника. Его голос зазвучал непривычно мягко и бережно:

— Ниннин, не хочешь ли ты снова заняться боевыми искусствами?

Командир Сяо Цзюлин в это время терпеливо ждал у беседки, боясь лишний раз вздохнуть.

Обладая отменным слухом мастера боевых искусств, он волей-неволей ловил обрывки доносившегося разговора.

«Ваше Величество... да что за странную игру вы затеяли?!»

Сначала Его Величество приказал перехватить тайную переписку дома Нин, ведя тонкую подковёрную игру, а теперь внезапно выносит всё на свет?

Сяо Цзюлин невольно вспомнил наставления Чжан Хэлиня. Тот со всей своей въедливостью и осторожностью без конца твердил ему:

«Государь не открыл молодому господину Нину своего истинного имени. Командир Сяо, смотрите не сболтните лишнего! Держитесь так, словно перед вами обычный член императорской семьи».

Да какой, к демонам, обычный родственник императора может вот так запросто вызывать к себе главу императорской гвардии и заставлять его покорно ждать за дверью?!

Будь у этого молодого господина хоть капля ума, он бы давно обо всём догадался!

А уж обращение...

«Синчжи».

Во всей Поднебесной едва ли набралось бы три человека, дерзнувших звать государя по имени в быту. Сяо Цзюлин уже и забыл, когда слышал это имя из чужих уст.

И вот теперь этот чистый, звонкий голос вновь произнёс его:

— Синчжи... а зачем мне снова учиться боевым искусствам?

<http://bllate.org/book/20087/2001854>